

Кресин А.В. Вопрос о своеобразных элементах национального права в трудах европейских ученых второй половины XVIII – первой трети XIX века // Антиномии, 2019. Т. 19, вып. 1, с. 80–111.

УДК 34.05

DOI 10.17506/aipl.2019.19.1.80111

ВОПРОС О СВОЕОБРАЗНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В ТРУДАХ ЕВРОПЕЙСКИХ УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Алексей Вениаминович Кресин

доктор юридических наук, доцент,

член-корреспондент Международной академии сравнительного права,

г. Киев, Украина.

E-mail: okresin@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 16.05.2019 г.

Формальная отдельность европейских национальных правопорядков, определенная во второй половине XVIII – первой трети XIX в., с одной стороны, волей национального общества, а с другой – международным правом, не объясняла содержательную нетождественность правопорядков – ведь они могли бы рассматриваться как чисто утилитарные, функциональные отделения общего для всех людей права (независимо от его происхождения и характера – Божественного, природного, разумного). Возникал вопрос о содержательной индивидуальности (своеобразии) каждого национального правопорядка – его уникальных элементах и особенностях его общих (распространенных более чем в одном правопорядке) элементов.

Представление о своеобразии национального права опиралось прежде всего на органическую теорию национального права, было производным от данной теории, делающей акцент на сущностной роли саморазвития в эволюции народа. В течение исследуемого периода ученые выдвинули тезис о несамодостаточности влияния неизменных природно-климатических условий и в значительной степени производных от них потребностей и хозяйства, определяющих область возможного в процессе развития народа, чьи культура и самосознание познают эти ограничения и противопоставляются им. Общественная жизнь рассматривалась как свободная, самодетерминированная, а право – как ее неотъемлемый элемент в рамках культурной традиции, проявление ее осознания и осмысления.

Принципиальными основаниями трактовки своеобразия в праве учеными того времени были: историчность своеобразных элементов в национальном праве, которое определяется общественным развитием в конкретных условиях, что целиком или в основном лишает их субстанциальности; постулат о невозможности, по крайней мере в отношении своих обществ и государств, существования абсолютно автохтонного права в современном мире, о несамодостаточности своеобразного, а также в

принципе открытости правовых систем к взаимодействию; положения о зависимости расширения или сужения сферы своеобразных элементов в национальном праве от воли общества и других факторов, возможности альтернативных вариантов развития этой сферы, невозможности полного лишения национального права его своеобразных элементов без прекращения его существования, об их необходимости.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, национальная правовая система, национальный правовой порядок, своеобразие в праве, органическая теория национального права.

Во второй половине XVIII в. в трудах многих европейских юристов выдвигается требование территориально-субъектного соответствия правового порядка гражданскому обществу, нации и государству; все эти понятия рассматриваются как тождественные по отношению к современному развитию права, несмотря на их историческое и функциональное различие; случаи же несовпадения рассматриваются как вынужденные или осуждаются.

Формальная обособленность национального правового порядка, определенная, с одной стороны, волей национального общества, а с другой – международным правом, не объясняла содержательную нетождественность правовых порядков между собой – ведь они могли бы рассматриваться как глубоко утилитарные, функциональные отделения общего для всех людей права (независимо от его происхождения и характера – Божественного, природного, разумного). Возникал вопрос о содержательной индивидуальности (своеобразии) каждого национального правового порядка – его уникальных элементах и особенностях его общих (распространенных больше чем в одном правовом порядке) элементов.

Геттингенские ученые в середине – второй половине XVIII в. сформулировали идею саморазвития национального права, что делало исторический опыт (и историческую традицию) ключевым элементом в его идентификации, предполагало доминирование уникальных элементов в нем и возможность выделения его чистой исторической формы. Как отмечал Д. Келли, для геттингенцев был характерен постоянный поиск индивидуального в немецкой правовой традиции (Келли 2002: 232). В трудах и лекциях по энциклопедии права геттингенцев Г.Х. Сенкенберга и И.С. Пюттера, йенского преподавателя Ф.К. фон Мозера еще в первой половине XVIII в. утверждались национальные основания права, проистекающие из самосознания народа (Friedländer 1887: 258-259).

Пюттер искал индивидуальное в «местном разуме» (*Lokalvernunft*), связанном с физическими условиями территории и отображенном в обычном праве (*Gewohnheitsrecht*), которое не следует кодифицировать (см. об этом: Келли 2002: 232). В своем «Новом опыте юридической энциклопедии и методологии» (1767) он, ссылаясь на Монтескье, указывал, что существование индивидуальных элементов в праве народов («автохтонное» или «коренное» право) вызвано различиями в климате, религии и морали (Pütter 1767: 22, 24, 28, 93, 95).

Г. Гуго в «Учебнике естественного права как философии позитивного права» (1789) и более поздних трудах утверждал, что позитивное право

каждого народа развивается в связи с его языком и меняется само по себе, как и язык. Юридический быт определяется внешними условиями, уникальными у каждого народа (Гуго 1999: 274; см. также: Новгородцев 2010: 43, 45; Лысенко 1999: 271; Дерюжинский 1893; Карасевич 1870: 374). При этом народ для Гуго не есть случайная общность, он является природным организмом, характеризующимся не столько биологическим единством, сколько духовными связями прошлых, настоящего и будущих поколений, особой культурной традицией, частью которой и выступает право (см. об этом: Карасевич 1870: 376; Тарановский 1917: 303-304). Нет оснований соглашаться с П. Новгородцевым, который полагал, что именно Гуго «внес в науку идею самобытного развития права, уважение к обычному праву и к историческому прошлому» (Новгородцев 2010: 47), но роль этого мыслителя в развитии и популяризации соответствующей идеи, конечно, не следует и преуменьшать. Гуго принадлежит тезис, подхваченный и разработанный подробнее Савиньи, относительно двух стадий правового развития, которые можно условно назвать народной и академической¹. На второй стадии, когда правовые знания, правотворчество и правореализация становятся предметом ведения профессионалов, право, по мнению Гуго, не порывает с народной традицией и не приобретает волюнтаристского или априорно-философского характера, а сохраняет органическую связь с предыдущим периодом, при этом технически совершенствуясь (см. об этом: Карасевич 1870: 376, 380).

В своей статье 1812 г. «Действительно ли законы являются единственными источниками юридических истин?» Гуго отстаивал положение об органичности развития национального права: «Право, подобно языку и нравам, развивается само собой, без соглашений или предписаний, просто в силу того, что так складываются обстоятельства, что другие делают так, что к установившимся уже этим путем правилам более подходит это данное, а не какое-либо другое» (цит. по: Михайлов 2013: 97; см. также: Коркунов 1915: 351); право исторически формируется так же, как правила игры, «само собой, не имея своего источника ни в чьем повелении, ни в соглашении, путем постепенного разрешения в частных случаях сомнительных вопросов» (Гуго 1815: 117-134. Цит. по: Михайлов 2013: 98); существование национального права предшествует жизни конкретного индивида и потому является для него чем-то данным, должно прежде всего сохраняться и выполняться, а не произвольно меняться (см.: Klenner 1989: 70-71).

Указывая на отличия учения позднейшей исторической школы права от концепций этого ученого, П. Новгородцев отмечал, что у Гуго отсутствует идея влияния национального характера на право (Новгородцев 2010: 47; см. также: Дерюжинский 1893). Впрочем, такая оценка вызывает сомнения, ведь Гуго а) был последователем Монтескье, который признавал такое влияние и фактически писал о национальном духе права, б) рассматривал право как часть национальной культуры.

Хотя природа и Божья воля как факторы правового развития Гуго и не отвергались, но они локализованы, так сказать, «национализирова-

¹ Наиболее выразительно – в статье «Законы не являются единственным источником правовой истины» 1812 г. Об этом см.: (Новгородцев 2010: 43).

ны» (отдельны для каждого народа) и сведены к начальным условиям для саморазвития общественных отношений, культуры и нравственности, отражением которых становятся обычаи и право; именно поэтому каждое государство и право являются одновременно исторически сложившимися, социально обусловленными и функционально оправданными (практический разум) (Гуго 1999: 274-275; см. об этом: Дерюжинский 1893; Коркунов 1914: 104-106; Чичерин 2010: 125-127).

Таким образом, уникальные внешние обстоятельства развития народа – как квазиорганизма – выступают предпосылками его обособленности и нетождественности с другими народами, а функции сущностного элемента выполняет традиция, в том числе и правовая, как внутренняя духовная коммуникация, диахронная и синхронная, инструмент единения и передачи культурных характеристик, опыт народа. Уникальные автохтонные элементы национального права поддаются идентификации, и даже возможно конструирование современного национального правопорядка исключительно из таких элементов. Если для позднего Канта право, вне вопроса о его разумности, является динамичным продуктом одновременно общественной воли и согласования отдельных человеческих волей, то Гуго и историческая школа в большей степени рассматривают право как преемственный и индивидуальный опыт народа (который также можно понимать как иррациональную или рациональную волю к сохранению этого опыта). Национальное право для Гуго – это прежде всего воля конкретного общества в конкретное историческое время, а не безусловное следование традиции.

В «Науке законодательства» Г. Филанджиери утверждается, что сущность и особенности *относительного добра* как индивидуального элемента в национальном праве (наряду с *абсолютным добром*) проистекают из разнообразия природных условий, разности характеров, гениев, расположения народов, что влияет и на государства; добром являются не абстрактные принципы, а решения, отвечающие состоянию, потребностям и мировоззрению конкретного народа (Filangieri 1806: 44-45, 47-50, 73-74). Сравнивая Спарту и Афины, Филанджиери пишет: «Каждая (система законодательства. – А.К.) была конкретно адаптирована к своей республике; и это относительное соответствие между законами и состоянием нации, которая их получает, является относительным добром» (Filangieri 1806: 49). К факторам, которые определяют сущность и необходимость относительного добра, в книге отнесены: разная «природа власти», «активный принцип при разном управлении», «гений и расположение народа», климат, плодородие почв, «местная ситуация и размеры страны», религия, «зрелость народа» (Filangieri 1806: 73-222). Филанджиери не скрывает, что при определении этих факторов он во многом опирался на труд Монтескье.

Он также настаивает, что разум человека, хотя и создан Богом, «развивается и расширяется через коммуникацию и через концентрацию общества» (Filangieri 1806: 2), а следовательно, в значительной мере является не всеобщим Божественным и не единичным в своей уникальности, а общественным явлением. Филанджиери указывает, что принципы права в пределах конкретного общества / нации развиваются эволюционно и с течением

истории становятся все более индивидуальными, что увеличивает их ценность. И наоборот – законодательство может существенно влиять на национальный характер и развитие народа в целом при условии, если оно будет этим народом воспринято (Filangieri 1806: 12-14, 50, 55-57).

Гердер в «Идеях к философии истории человечества» (1784–1791) указывал на такие источники самобытности народа, как место его формирования, антропологические различия, способ хозяйствования, язык, национальные характер, разум и дух, ценности, которые обуславливают его «несоизмеримое с другими совершенство», проявляются в органическом развитии и различных устремлениях народов (Гердер 1977: 140, 189-190, 440-441, 466, 543). Труды Гердера существенно способствовали проникновению в юридическую науку идей романтизма. Как отмечает К.К. Жоль, «романтики рассматривали природу, не противопоставляя ее культуре, а скорее как предкультуру, как возможность культуры, как необходимую ступень в мировом развитии. Соответственно этому и прошлое они представляли не как нечто безвозвратно ушедшее, умершее, а как источник жизненных сил настоящего... Романтики – это убежденные историки, для которых историзм – важнейший мировоззренческий и познавательный принцип» (Жоль 2000: 315).

По мнению М. Рихтера, «чувствование Гердером многообразия происходило из теологии, в которой культуры идентифицировались как явления священного в истории. Существовала схема развития человечества согласно божественному плану, в которой последующие культуры имплицитно несли своих предшественников в себе. “Египтяне не могли бы существовать без восточных народов, греки без египтян; римлянин нес на своих плечах весь мир. Это настоящий прогресс, преемственное развитие”. В этой упомянутой работе он рассматривает все народы, искусства и науки как развивающиеся в направлении общей гуманности» (Richter 2006: 170).

Тезис о саморазвитии права в пределах каждого народа / государства также отстаивал Э. Берк в работе «Размышления о революции во Франции» (1790). Зерна идей, в том числе правовых, заложены в нациях, их природе и национальном характере, они постепенно развиваются и реализуются нациями в течение их истории. Каждая нация выступает носителем своей традиции – «наследия предков», опыта, определяющего ее идентичность: «Уважая своих праотцов, вы научитесь уважать себя»; «Борьба каждого индивидуума за то, чтобы сохранить обладание тем, что он считает своей принадлежностью и что отличает его от других, – свойственно человеческой природе и является защитой от несправедливости и деспотизма. Это естественный инстинкт защиты собственности и сохранности общества» (Берк 1993). Право является сугубо национальным, возникает и развивается органически как неотъемлемая сторона народной жизни, что отражается в обычном праве, а затем и в законодательстве (Берк 1993; см. также: Карасевич 1870: 371-372).

В ранней работе «Народная религия и христианство» (1792–1795) Гегель указывал, что религия народа должна соответствовать его сознанию и культуре, отмечал, что индивидуальность народа определяется его духом и историей (см. об этом: Нерсисянц 1998: 8-9). В работе 1802 г. «О научных

способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве» Гегель отрицал возможность содержательного тождества отдельных при их формальной множественности, ведь они всегда обусловлены уникальными обстоятельствами: «...индивидуальность... не способна очиститься от дифференции и включить себя в абсолютную индифференцию» (Гегель 1978: 212, 213, 235). Народ рассматривался Гегелем как образование органическое, но определенное прежде всего своим уникальным духом, характером, «гением»: «...самая чистая и самая свободная индивидуальность, в которой дух с совершенной объективностью созерцает сам себя в своем образе и полностью, не возвращаясь к себе из созерцания, непосредственно познает само созерцание как самого себя, будучи именно поэтому абсолютным духом и совершенной нравственностью» (Гегель 1978: 274-275, 222, 228, 229, 251, 254, 269, 270). Позитивное право должно точно отражать нравственность (ее носителем являются обычаи, обычное право) народа; национальное право есть реальность историческая, развивающаяся эволюционно, в том числе постепенно переходя от обычного к преимущественно законодательно закрепленному (Гегель 1978: 254-255, 267, 269, 271).

В «Конституции Германии» Гегель указывал, что развитие национального права, его модернизация могут и должны быть результатом самобытного развития соответствующей нации. Несмотря на то что отдельные всемирно-исторические народы могут создавать универсальные образы мирового духа, каждый народ самостоятельно проходит все этапы развития культуры и лишь потом вступает во всемирную взаимосвязь (см.: Нерсесянц 1998: 18-19). Также в «Философии духа» Гегель отметил историчность национального духа – он «имеет историю в пределах самого себя» (Гегель 1977: 364).

И.Г. Фихте в «Письмах к немецкой нации» (1806) подчеркивал, что выражением природной и духовной общности нации является национальный характер, а также, как мы уже упоминали, стремление к осуществлению своего особого этического идеала (Фихте 2000: 48-49; см. также: Куян 2013: 69-71; Мере 2003: 75-80; Медяков 2005: 408-410).

П.И.А. Фейербах в статье «Попытка уголовно-правового анализа Корана» (1800) отстаивал тезис о неразрывной связи позитивного права с условиями жизни народа в зависимости от времени, климата и его устройства, а также с характером народа (Feuerbach 1800: 164). В работе 1804 г. «О философии и эмпирии в их отношении к позитивной правовой науке» он писал об историчности и эволюционности развития права (Feuerbach 1804: 42; см. об этом: Михайлов 2013: 33). Во «Взгляде на немецкое правоведение» 1810 г. Фейербах указывал на «дух отдельного законодательства» народа (Фейербах 2012b: 282-286, 288). В публикации «Фемида, или вклад в законодательство» (1812) он отмечал неразрывную связь права с уровнем развития общества (см.: Спекторский 2011: 425-426]. В статье «Идея и необходимость универсальной юридической науки. Естественное право, философия права, всеобщее правоведение» ученый указывал, что каждое позитивное право имеет свой дух, отражает состояние психической, моральной и эмоциональной

конституции, культуры народа, его ценности и историю. Также он говорил об обусловленности содержания права обстоятельствами времени и места (в частности, особенностями климата) как рамками возможного (Фейербах 2012а: 11-14, 22-23]. Правовые идеалы (в том числе учение о естественном праве) являются производными от духовных основ национального права. Индивидуальная сущность национального правопорядка формируется и развивается исторически (Фейербах 2012а: 14, 21, 23). Фейербах доказывал необходимость и неизбежность индивидуальности национальных правопорядков, заявлял о нежизнеспособности унификационных схем, поскольку уничтожение индивидуальности отдельного ведет к его исчезновению (Фейербах 2012а: 20).

Т. Чацкий в работах «О литовских и польских правах и их духе, источниках, связи...» (1800) и «Было ли римское право основой литовских и польских прав?» (1808 г., опубликована в 1809 г.) постулировал, что источниками индивидуальности в национальном праве являются его дух (в том числе дух управления), обычаи и особые осознанные потребности, а развитие права в значительной мере отождествлял с развитием языка народа (Czacki 1800: VII-VIII, 7, 51-54; Czacki 1861: 85). Народ рассматривается им как организм, который индивидуально проходит стадии своего развития (Czacki 1800: III, VI, 10, 49). Право является неотъемлемой частью культуры народа (причем оно не только производно от культуры, но и находится с ней во взаимных связях) (Czacki 1800: VII, 7, 11, 16, 18, 19, 22, 29, 43-45, 49, 51-54, 56; Czacki 1861: 292, 293). По его мнению, нормальными являются возникновение права «в колыбели обычаев народов», его постепенное самосовершенствование «с изменением потребностей и мнений» и эволюционный переход из обычного права в законодательство (Czacki 1861: 290). Согласно взглядам Чацкого, законодатель должен ориентироваться на обычаи и судебную практику, сложившиеся в народе; впрочем, при этом он подвергал сомнению самобытность последних, указывая, что они часто являются заимствованными (Czacki 1800: 11).

Сохранение индивидуальности национального права, полагал Чацкий, могло быть, среди прочего, связано с вполне реальным конфликтом народного духа (пример тому – неприятие поляками и скандинавами принципа неограниченной власти правителя в римском праве), а также с другими практическими причинами – в частности, сложностью и длительностью изучения римского права (Czacki 1809: 77).

По оценкам ученого, эпоха феодализма (очевидно, до XI–XII вв.) была временем индивидуальных национальных правопорядков (Czacki 1800: 16). Несмотря на позднейшую насильственную рецепцию римского права, индивидуальные элементы в национальных правопорядках не исчезли, а скандинавские («северные») страны вообще сохранили чистое национальное право, которое постепенно перешло из обычаев в законодательство («писали согласные с духом управления своего уставы») (Czacki 1800: 18-19, 25, 28; Czacki 1809: 121).

И.Ф. Тимковский (1808) выделял два вида причин различий между народами, в своем сочетании продуцирующих также различия в правовом и

политическом развитии: изменчивые (степень хозяйственного и интеллектуального развития) и неизменные сущностные («существенные», «физическое и моральное существо»). Эти различия, утверждал ученый, не могут быть преодолены путем заимствования зарубежного права (Тимковский 1808: 19-21). Среди сущностных различий Тимковский, в частности, делает акцент на особенностях традиционной территории расселения народа в их историческом (но не метафизическом) длительном воздействии на его дух и характер, нравственность, способ мышления и жизни, обычаи и обряды, которые вместе порождают право и организацию государства, соответствующие только этому народу (Тимковский 1808: 21-22). При этом наиболее значимо данные различия воплощаются в уголовном, государственном («органическом») и хозяйственном праве (Тимковский 1808: 22).

К.И.А. Миттермайер в «Теории доказательств в уголовном процессе: всеобщие позитивные законы и положения французского уголовного законодательства» (1809) писал о духе каждого национального правопорядка, указывая на историчность правопорядков и преемственность в национально-правовом развитии (Mittermaier 1809: 13-14, 16-17]. Во «Введении в изучение истории германских прав» (1812) он отмечал оригинальность немецкой нации, отражающуюся, в частности, в обычном праве. Творческим основанием созидания индивидуального по своему содержанию права он считал идеал права (справедливости), уникальный у каждого народа и принципиально важный для понимания последнего вообще. Именно индивидуальные элементы определяют характер национального права (характеру германского / немецкого права Миттермайер посвятил целый раздел своего труда). Индивидуальные элементы в праве формируются под влиянием физических условий территории, взаимодействия человека с природой и с другими людьми в конкретных природных условиях, определяющих физические особенности, потребности и цели народа; все это преломляется через национальный характер и нравственность и отражается в праве – как в обычае, так и в законодательстве. Также значительное влияние на развитие культуры и права народа осуществляет религия (Mittermaier 1812: 3, 5-6, 10, 12-14, 20, 57, 59-62, 67-75, 77-78). При этом Миттермайер безусловно рассматривал право как неотъемлемый элемент культуры (Mittermaier 1812: 60-61).

Миттермайер предполагал возможность восстановления чистоты немецкого права через «созерцание», то есть осознание его германских корней и обобщение его индивидуальных элементов («системы германского права»), в том числе в контексте общей культуры (обычаев, фольклора и др.), а впоследствии – развитие нового законодательства и его систематизацию (Mittermaier 1812: 65-66, 78).

Тибо в публикации «О необходимости общего гражданского права для Германии» (1814) предложил создать единый кодекс для всех немецких государств на основе древних немецких традиций, отраженных в обычном праве (Тибо 2011: 105, 110, 120-121). При этом он указывал на единые национальные дух и характер права, его встроенность в культуру, на то, что право является одним из факторов, призванных не разделять, а объединять

нацию, осуждал инациональные заимствования как несоответствующие немецкой культуре, национальному духу или устаревшие (Тибо 2011: 102-103, 106-107, 109, 114; см. также: Ewald 1995: 2015). В то же время он призвал отказаться от консервирования любой традиции только ввиду ее давности («за такой патриархальной правовой мудростью по большей части скрывается Недобросовестное и Непонятное» (Тибо 2011: 102-103, 106-107, 109, 114, 123; см. также: Ewald 1995: 2015)).

В работе «О призвании современных законодательства и юридической науки» профессора Берлинского университета Савиньи, опубликованной в том же году, содержался обширный ответ на памфлет Тибо. Настаивая на том, что основным источником позитивного права является обычай, автор утверждал доминирование в последнем индивидуальных опыта и сознания народа (Савиньи 2011b: 128-130; см. об этом: Rahmatian 2007: 8)¹, а следовательно – невозможность лишенной индивидуальности юридической математики.

Одной из отмечаемых Савиньи особенностей своего исторического подхода было утверждение индивидуального содержания права. Субъектом правового развития, утверждал ученый, является народ, его индивидуальные особенности, складывающиеся в процессе исторического развития, наряду, конечно, с также исторически и в силу конкретных обстоятельств добавленными всеобщими или региональными элементами. Они объективируются в национальном праве; последнее является позитивным – в национальном государстве и даже вне его: «Там, где мы впервые встречаем документальную историю, гражданское право уже обладает определенным характером, присущим народу так же, как его язык, нравы, его устройство. Ведь эти явления не обладают обособленным существованием – они являются лишь отдельными силами и деяниями одного народа, в природе неразрывно связанными и только в нашем рассмотрении кажущимися нам особыми свойствами»; «...изначально оно порождается благодаря обычаю и народной вере, затем благодаря юриспруденции, стало быть, повсюду благодаря внутренним, незаметно действующим силам, а не вследствие произвола законодателя»; «...органическая связь права с сущностью и характером народа выдерживает испытание временем» (Савиньи 2011b: 131-134; Савиньи 2011d: 282, 284)².

Савиньи часто называют метафизиком, указывая на якобы априорный и трансцендентный характер постулируемого им «национального духа» (см., например: Rahmatian 2007: 9-10, 24; Михайлов 2013: 41, 76). Так, А. Рахматьян пишет: «...скорее мистическую теорию национального духа сложно

¹ Мы не можем согласиться с утверждением современного российского ученого А.М. Михайлова, который следует ряду других исследователей, что историческая школа четко не отграничивала право от обычая (см.: Михайлов 2013: 206). Безусловно, обычай для исторической школы является источником формирования права, в том числе обычного, но сам действующим источником права не является.

² Относительно современного периода Савиньи считал формой фиксации обычая судебную практику, см.: (Савиньи 2011b: 193-194; Савиньи 2011a: 211-212). См. также: (Zimmermann 1996: 578).

совместить со стремлением Савиньи к систематическому, научному подходу к праву» (Rahmatian 2007: 9-10). При этом исследователь по непонятным причинам противопоставляет «объективное» видение национального духа Монтестье «идеалистическому» видению Савиньи, но далее сам себе противоречит (Rahmatian 2007: 24). А.М. Михайлов (ссылаясь на О. Иоффе, Н. Азаркина и др.) рассматривает индивидуальный элемент в праве в трудах представителей исторической школы (и Гегеля) как мистическую сущность, аналогичную представлению о всеобщем в праве в работах юснатуралистов; при этом, по его мнению, «народный дух» предстал изначальным и неизменным объективным источником права – подобно «природе человека» у юснатуралистов (Михайлов 2013: 187). Исследователь утверждает, что подход исторической школы, так же как и естественно-правовой, можно охарактеризовать как статичный, поскольку он не предусматривает ни динамики, ни социального взаимодействия в праве, не способен объяснить качественные трансформации правопорядка (Михайлов 2013: 188-189]. Более того, право как «подлинное право» для исторической школы не определяется людьми и их взаимодействиями, а является внешним, приписанным им, предшествующим любому опыту – человек и человеческое общество не выступают субъектами права, а нравственность, обычаи, ценности изначально присущи каждому народу, не творятся, а только сохраняются им (Михайлов 2013: 188-189, 196, 203-204, 273). «Народный дух» исторической школы, по оценке А. Михайлова, есть «объективное внесоциальное начало», не соответствующее «воззрениям на право» отдельных лиц и народа в целом (Михайлов 2013: 191-192, 196).

Отметим, что эти, разделяемые многими исследователями, утверждения голословны. Во-первых, вплоть до 1840-х гг. Савиньи не употребляет указанное понятие, апеллируя к общему сознанию, убеждениям, характеру народа, которые ни в его времена, ни сейчас не считались и не считаются метафизическими. Исследователи отмечают, что идея национального духа была заимствована Савиньи у его младшего коллеги, другого представителя исторической школы права, Г.Ф. Пухты¹. Между тем идея национального духа, причем не как мистическая, а как социально-психологическая, была предложена Лютером (а Савиньи был протестантского вероисповедания) еще в начале XVI в.; эту идею развивал Монтестье, а в Германии *Volksgeist* был «одной из самых употребляемых философских универсалий» в конце XVIII – первой половине XIX в. (Асламов 2012; см. также: Пименова 2005). Данная категория используется и в трактате Тибо 1814 г. Можно утверждать, что обращение к ней было бы вполне логичным для Савиньи; она, так сказать, лежала на рабочем столе ученого. Более того, она является неотъемлемым атрибутом в становлении учения о нации в тот период. Она имплицитно присутствует даже там, где как бы и не упоминается. Например, категория национального духа – в значительной степени аналог понятий

¹ См., например: (Карасевич 1870: 385; Кузнецов 1914: 5; Тарановский 1917: 310; Reimann 1990: 853; Михайлов 2013: 246). Напротив, Н.Е. Асламов предполагает, что это могло быть свидетельством рецепции идей Гегеля, см.: (Асламов 2012; Келлі 2002: 237).

иррациональной воли, коллективного субъективного права Руссо и Сиеса. Поэтому вопрос состоит как раз в том, почему Савиньи длительное время ее не употреблял.

Во-вторых, само по себе смещение акцентов Савиньи с традиции на дух только углубило социальность и историзм его концепций. В связи с этим важным считается тезис М. Рейманна о том, что сущность *Volkgeist* «не философия или разум, а выражение культурных характеристик. Итак, это исторический, а не метафизический феномен» (Reimann 1990: 853). Более того, Савиньи фактически исключает возможность метафизической интерпретации духа в правовой сфере. Он использует категорию «общность правосознания» как конкретизацию «духовной общности» в правовой сфере (Савиньи 2011d: 292), что следует понимать как коллективное переживание объективной правовой реальности. Принципиально важно замечание Г.Дж. Бермана о том, что «немецкое *Geist* означает не только дух, но и способ мышления, сознание» (Berman 1994: 1737; Михайлов 2013: 245)¹. Эта социально-психологическая по своей сути категория у Савиньи имеет принципиальное отличие от национального духа Гердера, который трактуется как воплощение Божественной воли; он непознаваем и несопоставим, а потому малопригоден для эмпирической научной реконструкции и анализа национальной и наднациональной социальной реальности. В связи с этим отметим, что в 1815 г. Савиньи подчеркивал: право является позитивным опытом и познается апостериори (Savigny 1815: 394). Можно согласиться с Н.Е. Асламовым в том, что Савиньи в течение длительного времени специально избегал термина *Volkgeist* из-за наличия различных его толкований (Асламов 2012), в том числе гердеровского метафизического.

На наш взгляд, есть основания подвергнуть сомнению многократно повторенное и потому глубоко укоренившееся мнение о чисто метафизическом характере учения Савиньи о национальном духе. Исходя из проведенного нами анализа считаем уместным мнение, высказанное Г. Берковицем: «Размещая право в народном духе, Савиньи становится способным соединить между собой редукцию права до позитивного закона и рационалистское представление об универсальном праве. Так как право существует в истории, оно на самом деле и эмпирически узнаваемо, по крайней мере в принципе. И поскольку право исходит от народа, оно не является ни изменчивым, ни волевым. Как атрибут народа национальное право необходимо и истинно» (Berkowitz 2005: 115; см. также: Toews 1989: 141-142). Сам по себе факт существования народа при этом предполагает сохранение доминирования в его социальном бытии, в том числе и в праве, содержательных индивидуальных элементов.

Савиньи, начиная с первой работы, которая принесла ему признание, («Право владения» (1803)), последовательно разделял римский и германский элементы в действующем праве (Савиньи 2011b: 186; см. об этом: Кёниг 2010: 364; Ewald 1995: 2027). Более того, Савиньи отстаивал, вслед за

¹ См. также: «...вместо этого он (Савиньи. – А.К.) писал о высшей природе – вероятно, вслед за Шеллингом, “второй природе” людей, – двигаясь от инстинкта к национальному сознанию» (Келли 2002: 237).

другими учеными, идею очищения национального права от унаследованных римских элементов (Савиньи 2011b: 194; Савиньи 2011c: 264–265).

Исторический подход, предложенный учеными Геттингенского университета, прежде всего в лице Гуго, а также Гердера, основывался на идее органического развития права как элемента национальной культуры, что подчеркивало в большей степени иррационально-консервативную, а не рациональную и сознательную волю нации к правотворчеству. Сочетание, начиная прежде всего с работ Фихте, органических и волевых начал в развитии национального права через требование государственного строительства не сняло вопрос о роли индивидуальных элементов в созидании отдельного.

Тибо указывал, что правовая сфера, хотя и проистекает из национальных особенностей и уровня развития общества, приобретает относительную автономию и сама становится фактором влияния на общество. Эта идея не была новой, однако в данном случае она отчетливо акцентирована. Историко-философская школа настаивала на национальной форме права, но ставила под сомнение его национально-индивидуальное содержание. Это давало возможность говорить о модернизации права и вообще о формировании правовой политики государства, что, в частности, могло означать отрыв от индивидуальных элементов в праве, сложившихся исторически, снижение роли последних и даже утрату ими своего смысла и их маргинализацию. Сторонник исторической школы, Савиньи, напротив, отстаивал мнение о несамостоятельности правовой сферы, ее встроенности в культурное развитие общества, несмотря на ее постепенную технизацию и профессионализацию. Историческая школа видела право национально-культурным, сводя роль государства (на том этапе, когда оно появляется) фактически к технической – признанию и защите установленного нацией правопорядка. Соответственно содержательное наполнение и ценность индивидуального в праве при этом должны были сохраняться.

В «Философии права» Гегель утверждал, что разумность конкретного общества, а следовательно и права, созданного данным обществом, лежит в нем самом, а не вне его (Гегель 2000: 6-7), а потому индивидуальность национального права должна рассматриваться в качестве необходимой и самоосознанной, и именно поэтому она творит национальный правопорядок как отдельный от другого, в единстве содержания и формы. Субстанционально нравственная и природная действительности являются разумными («что разумно – то действительно, и что действительно – то разумно») (Гегель 2000: 13, 15, 212), значит, отдельный национальный правопорядок не просто форма, он имеет свою особую внутреннюю разумность, а исходя из этого и индивидуальное содержание. Индивидуальность порождается «бесконечно разнообразными отношениями» и обстоятельствами и может быть редуцирована к общей сущности только мыслительно и апостериори, но не подлежит вмешательству философии с ее априорными универсалистскими подходами (Гегель 2000: 14). Качественная материя права является духовной, конкретный дух порождает конкретное право, а воля выступает как его санкционирование, форма реализации, количественная величина;

общественное Я всегда не просто формально различено, обособленно, но и содержательно определено, это – целостный организм (в том числе правовой), который соотносится с самим собой. Государство как организм «лицетворяет развитие идеи своих отличий и их объективной действительности», становится «развитием идеи до своих отличий» (Гегель 2000: 24, 28, 216-217, 224-225).

Гегель определял позитивное право через форму (правопорядок государства) и содержание, благодаря которому право приобретает позитивность, в том числе через особые национальный характер и общественные отношения в пределах народа, присущий ему практический разум (рассудок). При этом Гегель подчеркивал, что право не просто устанавливается людьми, но и имеет свою историю и традицию, а также не детерминируется естественной необходимостью (Гегель 2000: 8, 19-20, 218, 292-293).

По мнению Гегеля, дух народа по сути своей действительный и органический, неметафизический, он выступает как созидующий государство фактор. При этом народный дух практически сливается в этой работе с моральным духом государства. Моральный дух государства – это народный дух, который проснулся, самоосознался и абстрагировался от природы, стал действенным, реальным и который определяется как очевидная, самоосознанная, субстантивная воля, непосредственно существующая в обычаях – проявлении коллективного самосознания (Гегель 2000: 47, 212, 216-217, 221, 243, 291-292). Законодательство, в том числе кодификация, должно быть в первую очередь не привнесением новых элементов в право, а осмыслением имеющихся; позитивное правоведение, в отличие от философии права, является историческим. Но моральный дух не статичный, а динамичный; это «процесс в самом себе». Процесс изменений происходит через самоосмысление, а вместе с ним меняются государственные институты и право (Гегель 2000: 186-187, 223, 243, 292).

В «Энциклопедии философских наук» Гегель отмечал, что право творится национальным духом («организованный народ» – это не «агрегат частных лиц», а «духовная стихия», отмечает Гегель) как «особым принципом», который обусловлен физическими условиями жизни народа и развивается исторически, рождаясь в обычаях и постепенно переходя в законодательство: «Только внутренне присущий государственному устройству дух и история, – а история при этом есть только его история, – суть то, посредством чего конституции были созданы и продолжают создаваться» (Гегель 1977: 355-356, 350-351, 357, 359-365, 368, 371, 373; см. об этом: Нерсисянц 1998: 35-36, 38).

В «Лекциях по философии истории» Гегель утверждал, что индивидуальное и предметное «внутреннее», как и всеобщее, которое существует в виде абсолютной идеи, объективируются через их совместное действие и взаимное ограничение, результатом чего являются человеческое общество, его право и государство. Так, априорно лучшие всеобщие модели сталкиваются с «данными обстоятельствами и данным нравственным состоянием народа», в результате чего складывается то, что пригодно именно в конкретном случае (в частности, ограниченная монархия вместо республики)

(Гегель 2000: 79, 95-96). Право и государство не могут не быть индивидуальными, «государственное устройство народа образует единую субстанцию, единый дух с его религией, с его искусством и философией или по крайней мере с его представлениями и мыслями, с его культурой вообще (не говоря о дальнейших внешних факторах, о климате, соседях, положении в мире)» (Гегель 2000: 96).

Поэтому право и государство народа существуют в детерминированном состоянии и не могут быть дифференцированы от сугубо индивидуальных факторов, прежде всего духовных и производных от них, без утраты своей определенности. Политико-правовые модели, даже всемирно-исторических народов, являются исключительно индивидуальными, в основе любой модели лежат различные принципы, которые производны от духовных факторов конкретных народов и охватываются понятием нравственности. Дух народа есть осознание себя и воля к сохранению своей территории, истории, культурного и политико-правового наследия, национальный характер – определенная форма воли и интереса в их проявлениях (Гегель 2000: 96-97, 101-102, 211, 369).

Наличие каждой принципиальной особенности народа может быть эмпирически признано и исторически доказано, но чувствуется априорно. Различия между народами – в их литературе, искусстве, науке, философии – суть различия не только стиля и направления, формы, но и содержания и разумности вообще. Все они могут охватываться понятием «дух народа», и именно дух определяет все дела и стремления народа (религию, обычаи, государственный строй, политическую систему и др.), осуществляется и раскрывается в них, доходя до самоосознания и самоанализа, который ведет к его гибели и появлению нового духа и, соответственно, другого народа (Гегель 2000: 112-117, 119, 121, 361).

Связь духа народа с территорией формирования и развития последнего выступает внешней (дух противопоставляет себя природе, «начинается духовное созерцание, и в нем дух прощается с природой», «изменение импульса (идущего от природы. – А.К.) и порождение его из себя») и одновременно необходимой основой созидания этого духа: это то, что составляет природную основу общественного бытия (Гегель 2000: 126-127, 250, 266; Гегель 1977: 365). Различия территорий разных народов создают их индивидуальные природные возможности, существенно влияют на их характеры и перспективы развития, хотя и, кроме случаев экстремальных климатических условий, не детерминируют последние (Гегель 2000: 126-127, 133-134, 136, 138). Природные условия влияют на хозяйство и экономические отношения, а они, в свою очередь, в значительной степени определяют развитие общества, государства и права. Но с течением истории духовность народов (начиная с древних греков) становится абсолютно свободным от природы отдельным измерением бытия (Гегель 2000: 144, 266).

По Гегелю, индивидуальность национальных право порядков выражается, среди прочего, в особом духе и нравственности каждого народа. Считая дух объективным и первичным относительно реальности, в том числе социальной, Гегель в связи с этим объективировал идею национального духа

в праве, заложил основы учения об общественном правосознании. Нравственность, по его мнению, тождественна с общим способом деятельности людей в конкретном народе и воплощается в его законах и обычаях. Она является сущностью конкретного народа (его второй природой), и именно она детерминирует его волю; так же сознание духа народа определяет его самосознание: «в сфере нравственности воля есть воля духа, имея субстанциальное, соответствующее себе содержание» (Пилянкевич 2011: 288-289).

Нравственность народа и национальное право, полагает Гегель, не могут быть лишь формами, наполненными тождественным содержанием, ведь это содержание кто-то должен продуцировать, оно глубоко национально-индивидуально и конкретно, не только творит учреждения и общественный быт, но и обосновывает их ценность и значимость (см.: Кечекьян 1915: 448; Новгородцев 1901: 224-225). Поэтому разум, сознание, воля, дух каждого национального общества являются индивидуальными и уникальными, они порождают государство и право исключительно для этого общества; должное и сущее здесь совпадают: «Идеал есть всегда конкретный идеал. Абсолютная нравственность может быть только конкретной нравственностью. Ведь только конкретное является истинно действительным» (Цит. по: Кечекьян 1915: 455. См. также: Гегель 2000: 14-15; Новгородцев 1901: 210; Пилянкевич 2011: 299; Новгородцев 2010: 63).

И.Н. Данилович в 1818 г. отмечал «отдельность» духа каждого национального права (анализ которого является «самой сложной материей в правоведении») и то, что в основе своеобразия последнего лежат неизменные (климат, особенности почвы, физическое расположение) и изменчивые (природа «правительства», религия, обычаи) причины (Daniłowicz 1905: 26-27, 40, 46, 67, 69-70, 173).

И.Б. Раковецкий в работах «О гражданском состоянии древних славян» (1820) и «Правда Русская или права великого князя Ярослава Владимировича» (1820–1822) писал о неразрывности, органическом единстве религии (дохристианской языческой), обычаев, языка, характера и права народов, которые сохраняют в течение веков и вместе выступают как коммуникативная основа сохранения и развития народов (а следовательно, право оказывает обратное влияние на общество) (Rakowiecki 1820a: 2, 3, 15; Rakowiecki 1820b: VIII, 81-82, 198, 227; Rakowiecki 1822: 156, 312-313, 315). Источник народного духа – знание традиций, обычаев, права и языка предков; производным от него является народный характер (Rakowiecki 1820b: 139, 227; Rakowiecki 1822: 243). Право, как и другие элементы культуры, развивается органически и является частью осуществления особой миссии, определенной Богом для каждого конкретного народа (Rakowiecki 1820a: 7, 15-16). Первичная основа права, так сказать первоправо, происходит от народа в целом, является обычным правом и не может быть результатом деятельности власти – точно так же законодательство сначала представляет собой прежде всего упорядочение обычного права, его приспособление к определенным времени и обстоятельствам (Rakowiecki 1820b: 135, 137-138). Кроме того, даже форма правления производна от особенностей народного духа (Rakowiecki 1820b: 242, 253). В то же время традиции и обычаи, высту-

пающие конституантой права, могут проистекать из потребностей и образа жизни национального общества; индивидуальное историческое развитие народа имеет конкретный причинный характер и становится фактором эволюции права (Rakowiecki 1820b: 134, 228, 252; Rakowiecki 1822: 246, 254, 315).

Раковецкий считал, что нарушение индивидуальности права и культуры в результате иностранного воздействия может нарушить и ход развития народа, но был уверен в возможности их очищения (Rakowiecki 1820b: 82, 84, 128; Rakowiecki 1822: 315). В то же время он допускал и возможность сохранения индивидуальности культурного и правового развития народа даже при условии его подчинения другому народу или иностранному властителю (Rakowiecki 1820b: 129; Rakowiecki 1822: 255).

Н.Н. Фальк в «Энциклопедии права» посвятил проблематике индивидуальных элементов в праве специальный параграф «Автохтонные и иностранные элементы права». Он считал, что национальная правовая система может быть полностью автохтонной, то есть состоять исключительно из индивидуальных элементов (в том числе автохтонных по происхождению источников права), для нее свойственны «естественное развитие и раскрытие права», уникальные принципы. Самодостаточность автохтонного права опирается на комплексность социального развития каждого конкретного общества, его способность к саморегуляции человеческих отношений. Вместе с тем он признавал, что в реальности абсолютная автохтонность невозможна. При этом автохтонные элементы в национальном правовом порядке необходимы, а заимствованные – возможны (Falck 1887: 164, 196, 198-199). Он четко выделял *национальность* права как его форму и *индивидуальность* как его содержательный элемент. В основе индивидуальности лежат различия условий и общественных отношений, которые выступают в качестве причин, преломляемых «разнородностью знаний человеческих отношений и отличными взглядами на них». Право народа в силу развития последнего фактора постепенно и органично развивается (Фальк 2015: 196).

Пухта в «Энциклопедии права» 1821 г. утверждал, что право происходит из динамического по своему содержанию национального характера (духа, убеждения) народа, его исторического развития и соответствует им, а также реальным правоотношениям в обществе, общественным потребностям, и поэтому национальные правовые порядки, несмотря на то что они взаимодействуют между собой на протяжении истории, являются содержательно индивидуальными, разными, динамичными, а кроме того имеют органический характер (Пухта 1872: 20, 22-24, 27, 32, 42, 66, 96; см. также: Бондарук 2009: 52; Асламов 2012; Михайлов 2013: 81).

Ганс в предисловии к своему труду «Наследственное право во всемирно-историческом развитии. Сочинение по универсальной истории права» (1823) отмечал, что индивидуальность заключается, в частности, в представлении народа о праве (ученый указывал, что «конкретной истиной» в науке является мысль) и его «силе» (касается цельности жизни народа), которые постепенно изменяются вместе с их субстанцией – духом народа (Ганс 2015: 76-78, 82-83, 92). Ганс утверждал, что право не выступает самостоятельным явлением, а «передает скорее только один момент в

целостности какого-либо народа»; каждый народ имеет свой исторический принцип, с которым право сохраняет постоянную живую связь; право всегда есть часть национальной сущности (Ганс 2015: 93-95). Он предостерегал от поверхностной констатации сходств между национальными правопрядками («ущербной идентификации однообразия», которая «превращает богатство истории в совершенную скудость»), отмечал неизбежность и необходимость индивидуальности права народов с учетом уникального исторического принципа каждого из них (Ганс 2015: 94-95). По мнению Ганса, начиная с Римской империи и римского права социальное сформировалось в абсолютно самостоятельное измерение бытия. Социальное однозначно воплощалось у Ганса, как и у других его современников, в идее народа, его бытие утратило детерминированность, а стало свободным, дополняя формальную отдельность и природные различия исторической и культурной индивидуальностью народа как общества.

К.С. Цахариз в 1829 г. писал о национальном характере права, включая в это понятие все индивидуальные элементы в нем, а также подчеркивал, что они прежде всего определяются этнокультурным фактором (Цахарія 2015: 205, 208). Он осуждал заимствования, поскольку они уменьшают объем индивидуальных исторических элементов права, поддерживал сохранение последних, верил, что можно восстановить чистоту национального права (Цахарія 2015: 206-207). Р.М. Губе в 1830 г. отмечал, что народ имеет собственные дух, характер и понятие о праве (оно живет в его сознании и убеждениях) (Губе 1845: 61-63, 73, 76-77, 80, 82-83).

В. Мацеевский в своей «Истории славянских законодательств» (1832–1835) указывал на существование национального характера и национального духа как факторов развития права, органичность развития права в качестве элемента культуры (наряду с языком и др.), обусловленность современности традицией, неистребимость индивидуального элемента культуры, на особую миссию каждого народа. Национальный дух четко конкретизируется Мацеевским как политический и правовой (Maciejowski 1832: IV, VI-VIII, 2-3, 5, 11, 53-54, 70). Национальный дух, национальный характер и производные от них политико-правовые институты не являются исконно данными, а развиваются исторически; существенную роль в их полноценном развитии играет отсутствие иностранного влияния (Maciejowski 1832: 35, 54, 67-69). Кроме культуры особенности развития права неразрывно связаны со всей жизнью народа (в частности, с природой власти, политическими отношениями людей и власти, устройством Церкви, народным хозяйством, потребностями обороны), складываются под влиянием физико-географических условий (расположение, климат, качество почв) (Maciejowski 1832: 4, 51, 56).

Переход от обычного права к преимущественно законодательному, который, по мнению Мацеевского, является ключевым в истории права народа, не сопровождается утратой национальной индивидуальности права; законодательство – это не проявление произвола, оно исходит из «правовых образов» и особенностей развития народа (степени его образования) (Maciejowski 1832: 51). Исследователь утверждал, что деятельность ученых

и законодателей может не только отображать национальное своеобразие права и культуры в целом, но и усиливать и углублять его, а также частично восстанавливать утраченную органичность права – через создание нового законодательства на основе обычного права (процесс «углубления законодательства»). Мацеевский считал, что национальное право способно к обновлению и модернизации на собственной основе, с сохранением полной индивидуальности. Право осуществляет обратное влияние на народ, в том числе в плане сохранения его своеобразия, выступая как один из коммуникативных факторов (Maciejowski 1832: IV, VI, VIII-IX, 2-4, 36, 51, 53-54). Представление о своеобразии правопорядков и постепенности их развития позволило Мацеевскому выделить историю национального права в качестве отдельного предмета юридических исследований (Maciejowski 1832: 43, 52).

В «Общем введении в историю права» 1829 г. французский ученый Э. Лерминье подчеркивал, что Савиньи на материале римского права продемонстрировал: для познания национального права следует прежде всего через историю определить его особенности. Лерминье полагал, что для немецких юристов национальное правовое наследие стало вопросом сознания и ценностей, а право вообще – прежде всего системой символических актов, отражающих идею нации (Lerminier 1836с: 49, 52, 54). Одним из сущностных элементов исторической школы для Лерминье является осознание особенностей национального духа как понимания уникальности своего исторического наследия и отличного от других наций способа мышления, философствования, правотворчества. Поэтому «исторический и национальный дух» сопротивляется попыткам распространить на один народ способ мышления другого народа через философию, науку и законодательство (Lerminier 1836с: 47).

В числе преимуществ исторической школы права Лерминье особо выделял акцентирование причинно-следственной связи в развитии права, имеющей значение для определения перспектив его развития и правовых реформ (идея истин, которые черпаются в истории, и самой истории как того, что не проходит, а представляет собой совокупность прошлого, настоящего и будущего) (Lerminier 1836с: 59). По его мнению, при определении этих перспектив история указывает на возможные варианты и их последствия, но «философия должна решать» (Lerminier 1836с: 59-60). Принципиально важно то, что якобы универсальная философия, воплощение всеобщего, у Лерминье по содержанию в значительной степени является национально-индивидуальной: философский элемент, представление о сущности права, у каждого народа приобретает индивидуальную форму на основе исторических особенностей.

А в «Философии права», опубликованной в 1831 г., ученый писал, что философия не может быть одинаковой для всех народов: «Сейчас время работать над национальной философией» (цит. по: Navet 2001: 47, 49). Лерминье заявлял, что право не может быть совершенно абстрагировано от своеобразного – стереотипов, привычек, пристрастий, свойственных людям. Ничто не мешает конкретному обществу в конкретное время делать выбор

не в пользу философских открытий и систем, а в согласии с собственными историческими ориентирами и пристрастиями (Navet 2001: 42). В статье «Преподавание сравнительных законодательств» (1834) Лерминье утверждал, что одним из элементов формирования права являются обычаи, источник которых – народный дух (Lerminier 1836с: 92). А в «Курсе истории сравнительных законодательств» (1836) Лерминье отметил причинность и объективную эволюцию политико-правовых процессов: «В целом в истории фантазии никогда не имеют успеха, но всегда происходят необходимые вещи» (Lerminier 1836а: 220, 264, 267, 464).

В статье «О методе истории сравнительных законодательств», опубликованной в 1836 г., Лерминье указывал, что понимание каждым обществом, народом своей истории – одна из важнейших задач современности. Народ есть единый субъект, для него характерны общие ощущения, навыки, ориентиры, дух, разум. Поэтому общество (в пределах народа) стремится к «прочной гармонии единства», преодолению внутренних противоречий чувств и мыслей. Именно история демонстрирует обществу пути формирования его общих судьбы и права, воспитывает человека и помогает достичь согласия в народе по важным вопросам. Дух и коллективный разум каждого народа не являются мистическими, они поддаются постижению и определению (Лерминье 2012: 24, 29).

В более поздней статье «Гebraизм и христианство» (1846) Лерминье отмечал отдельные законы развития народа и его культурно-психологической традиции: «Внимательный анализ обнаруживает, что гений народов поистине исторический и развивается по тем же законам композиции, что и дух отдельного человека, полный и крепкий». Он писал, что в прошлом народы не имитировали друг друга, но каждый из них «чувствовал особое призвание и отдавался ему упорно». Это призвание, по его мнению, выражается в особенностях национального «гения» – особенностях мировосприятия, талантов и практических умений. Правда, ученый выразил уверенность в этом только относительно «больших и сильных» народов (Lerminier 1846).

* * *

Итак, одной из базовых концепций для определения своеобразия в праве в течение исследуемого периода выступало саморазвитие права народа, результатом которого является его своеобразный исторический опыт. Содержание своеобразия этого саморазвития могло восприниматься как естественное, детерминированное внесоциальными факторами, или как преимущественно социальное, формирующееся исторически и соответствующее развитию конкретного общества. Одной из основ концепции саморазвития была биологическая метафора – восприятие народа как организма, которое могло непосредственно декларироваться или выражаться в утверждении об органическом развитии права. Этому соответствует тезис о влиянии на эволюцию права народа физических и климатических условий его формирования и развития, определяющих антропологические и другие отличия народа. С биологической метафорой, представлением о народе как о живом организме связаны и упоминания в трудах того времени об особой

Божьей воле для каждого народа, его миссии или призвании. Однако ни в одной из проанализированных работ эта идея не раскрыта, внимание ей не уделяется.

В то же время ученые указывали, что физико-биологические и другие внесоциальные факторы влияют на развитие права не напрямую, а через детерминацию образа жизни народа как природно-социального коллектива. В частности, подчеркивались различия в естественных потребностях, формах хозяйствования народов. С этим связано распространенное утверждение об интегральности жизни народа как природного и социального коллектива, неотъемлемым элементом чего является становление права, о спонтанном формировании права как правил игры.

Но в трудах ряда ученых отчетливо отмечалось, что физико-биологические факторы, какими бы они ни были действенными, выступают внешними условиями для развития права, устанавливают пределы возможного / возможностей, оказываются лишь начальными рамками для развития общественных отношений. Конечно, такая идея могла соответствовать общему взгляду романтиков на природу как пред- культуру, пред- общество. Миттермайер конкретизировал это утверждение: на общественное (в том числе правовое) развитие влияет взаимодействие (1) человека с природой и (2) человека с человеком в условиях природы. А Гегель и Лерминье указывали, что связь человека с природой становится осмысленной: через созерцание – к противопоставлению. Гегель и Ганс писали, что такое противопоставление, а затем и разрыв, отделение социальной жизни от природной, у европейских народов произошло на определенной стадии их развития (технологии, культура, сознание), еще в античности (во времена древнегреческих государств или Римской империи). В результате социальная жизнь перестала детерминироваться естественной необходимостью (хотя она, конечно, не исчезла), дух освободился от природы, а у народов наряду с биологической появилась вторая коллективная сущность – нравственность, духовность.

Также в проанализированных работах отмечались синтетичность культуры, неотъемлемым и производным элементом которой выступает право, и существование культурной традиции. При этом правовое развитие связывалось и практически отождествлялось с саморазвитием языка народа и его религиозных представлений. Такой культурный детерминизм ярко выражен в идее Гуго о том, что право всегда предшествует конкретному индивиду и он не волен это право изменить. В то же время Миттермайер и другие ученые указывали, что фактором развития права является не сама культура, а становление ее самосознания: от привычки – к собственно культуре или от идентификации заимствованных элементов культуры – к их усвоению.

Часть ученых, в русле критического Канта, считали национальный правопорядок проявлением коллективного разума (местного или практического разума, «относительного добра»), подчеркивая отражение в праве различных ориентаций, целей, осознанных потребностей народа. Очевидно, именно с этим связаны утверждения о возможности обратного

воздействия права на характер, общественное развитие, культуру народа, о коммуникативной функции права в развитии народа.

Но больше всего внимания ученые уделяли праву как отражению психологии народа. Так, утверждалось, что право происходит из самосознания народа, будучи элементом его мировоззрения, отражает его характер, нравственность, идеалы, ценности, душу, принцип / сущность, образы, чувственность. Отдельные ученые писали, что характер народа не является неизменным, он развивается и осуществляется. По нашему мнению, прежде всего с психологическим видением связано вмещение своеобразных элементов права в обычном праве как порожденном морально-этическими ориентирами народа. Некоторые ученые уточняли, что современной формой обычая выступает также судебная практика.

Интегрирующим понятием для психологии, культуры и разума народа стал национальный дух – без сомнения, наиболее распространенное в трудах того времени олицетворение своеобразия национального правопорядка, объемлющее национальные культуру, сознание, психологию, мышление. Некоторые ученые говорили о существовании особого политического и правового духа народа, у других духу соответствовало также понятие правосознания общества или национальной философии (в том числе философии права). Отметим, еще Гуго писал о том, что народ связывает духовное общение поколений. Вопрос о статичности или динамичности национального духа, в частности правового, в большинстве проанализированных работ не был акцентирован и тем более не был решен. В то же время правосознание общества у Савиньи характеризуется как динамическое, оно развивается вместе с самим обществом или, по крайней мере, раскрывается в ходе эволюции, имеет свою историю; национальный дух у Гегеля также раскрывается исторически, самоосознается и самоосмысливается. Также этот вопрос не прямо, но косвенно решался через проблематику роли других своеобразных элементов в национальном праве, стадийности его развития, преемственности.

Значительная часть авторов проанализированных работ настаивали на доминировании своеобразных элементов в национальном правопорядке («автохтонное» или «коренное» право). Более того, отмечалось, что исчезновение или принципиальное уменьшение роли национального своеобразия как содержания ведет к исчезновению соответствующего национального правопорядка как его формы. Некоторые ученые на конкретных примерах демонстрировали возможность сохранения «чистоты», то есть абсолютного своеобразия, национального права. Отдельные авторы предполагали возможность «очищения» национальных правопорядков, то есть их освобождения от заимствованных элементов. Возможно, наиболее ярко процесс пурификации определил Мацеевский – как «углубление» права. Ряд авторов предполагали возможность модернизации национального права без привлечения иностранных элементов, принципиально отвергали идею лучшего права, которое, с одной стороны, нарушает саморазвитие национального правопорядка, а с другой – не сможет эффективно функционировать из-за интегральности народной жизни.

Вопрос о механизмах сохранения, расширения или сужения своеобразия права в течение жизни народа авторы рассмотренных работ связывали со стадиями развития последнего. Выделялись прежде всего «народная», «академическая», а также законодательная стадии. При этом часть ученых отмечали, что законодательство должно представлять собой лишь технико-юридическое совершенствование обычного права и судебной практики и их осмысление. Конечно, такое видение позволяло сохранить и развивать своеобразие национального права. В то же время понятно, что реалии европейских стран того времени давали основания рассматривать такую модель не как существующую, а лишь как ориентир.

Важно подчеркнуть, что ученые того времени признавали: 1) историчность своеобразных элементов в национальном праве, которое определяется общественным развитием в конкретных условиях, полностью или в основном отказывая им в субстанциальности; 2) невозможность, по крайней мере в отношении своих обществ и государств, существования абсолютно автохтонного права в современном мире, несамодостаточность своеобразного, а также в принципе открытость правовых систем к взаимодействию; 3) зависимость расширения или сужения сферы своеобразных элементов в национальном праве от воли общества и других факторов, возможность альтернативных вариантов в этой сфере; 4) невозможность полного лишения национального права его своеобразных элементов без прекращения его существования, их необходимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асламов Н.Е. 2012. Философия истории немецкой исторической школы права [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филос. наук. М. 155 с. URL: <http://www.disus.ru/dissertatsii/362037-1-istoriinemeckoy-istoricheskoy-shkoli-prava.php> (дата обращения: 03.03.2019).

Берк Э. 1993. Размышления о революции во Франции и заседания некоторых обществ в Лодоне... [Электронный ресурс]. М. : Рудомино. 144 с. URL: <http://www.politnauka.org/library/classic/berk.php> (дата обращения: 03.03.2019).

Бондарук Т.І. 2009. Теорія правоутворення Георга Фрідріха Пухти // Правова держава. Вип. 20. С. 51-57.

Ганс Э. 2015. Предисловие к работе «Наследственное право во всемирно-историческом развитии. Сочинение по универсальной истории права» / пер. с нем. Е.В. Серебренниковой, В.В. Эмих ; под ред. А.В. Кресина, В.В. Эмих // Філософія порівняльного правознавства: Зб. наук. праць / за ред. О.В. Кресіна. Київ ; Львів : Ліга-прес. С. 74-100.

Гегель Г.В.Ф. 1977. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / отв. ред. Е.П. Ситковский. М. : Мысль. 471 с.

Гегель Г.В.Ф. 1978. О научных способах исследования естественного права, его месте в практической философии и его отношении к науке о позитивном праве // Г.В.Ф. Гегель. Политические произведения. М. : Наука. С. 185-275.

Гегель Г.В.Ф. 2000. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб. : Наука. 480 с.

Гегель Г.В.Ф. 2000. Основи філософії права, або природне право і державознавство. Київ : Юніверс. 336 с.

Гердер И.Г. 1977. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А.В. Михайлова. М. : Наука. 703 с.

Губе Р.М. 1845. История древнего наследственного права у славян // Сборник исторических и статистических сведений о России и народах ей единоверных и единоплеменных. М. : Тип. Августа Семена. Т. 1. С. 59-95.

Гуго Г. 1999. Учебник по курсу цивилистики // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М. : Мысль. Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX вв. С. 272-277.

Дерюжинский В.Ф. 1893. Гуго [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. Т. 9. URL: <http://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 03.03.2019).

Жоль К.К. 2000. Философия и социология права. Киев : Юринком Интер. 480 с.

Карасевич П. 1870. Историческая школа в области права // Моск. университет. известия. № 7. С. 371-389.

Келлі Д. 2002. Людський вимір буття: Суспільна думка в західній правовій традиції / пер. з англ. Г.Є. Краснокутського. Одеса : Бахва. 327 с.

Кёниг И. 2010. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции // Немецкая историческая школа права. Челябинск : Социум. С. 351-378.

Кечекьян С. 1915. О понятии естественного права у Канта и Гегеля // Вопр. философии и психологии. Т. 26, кн. 128 (3). С. 439-457.

Коркунов Н.М. 1914. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб. : Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова. 370 с.

Коркунов Н.М. 1915. История философии права : пособие к лекциям. Изд. 6-е. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича. 502 с.

Кузнецов К.А. 1914. К характеристике исторической школы юристов. Одесса : Тип. «Техник». 20 с.

Куян І.А. 2013. Суверенітет. Проблеми теорії і практики: конституційно-правовий аспект : моногр. Київ : Академія. 560 с.

Лерминье Ж.Л.Э. 2012. О методе истории сравнительных законодательств / пер. М.В. Захаровой под ред. А.В. Кресина // Порівняльно-правові дослідження. № 1-2. С. 24-29.

Лысенко О.Л. 1999. Густав Гуго // Антология мировой правовой мысли : в 5 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин. М. : Мысль. Т. 3: Европа. Америка: XVII–XX вв. С. 271-277.

Медяков А.С. 2005. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе в Новое время : Очерки истории / отв. ред. В.С. Бондарчук. М. : Зерцало-М : Вече. С. 394-458.

Мере Ж. 2003. Принцип суверенітету. Історія та основи новітньої влади / пер. з франц. Л. Кононовича. Львів : Кальварія. 216 с.

Михайлов А.М. 2013. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. М. : Юрдинформ. 632 с.

Нерсесянц В.С. 1998. Философия права Гегеля. М. : Юристь. 352 с.

Новгородцев П.И. 1901. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М. : Университет. тип. 248 с.

Новгородцев П.И. 2010. Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба // Немецкая историческая школа права. Челябинск : Социум. С. 1-226.

Пилянкевич Н.И. 2011. История философии права // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира: у 2 кн. / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий ; за ред. І.С. Гриценка. Київ : Либідь. Кн. 1. С. 108-306.

Пименова Л.А. 2005. Идея нации во Франции Старого порядка // Национальная идея в Западной Европе в Новое время : Очерки истории / отв. ред. В.С. Бондарчук. М. : Зерцало-М : Вече. С. 125-157.

Пухта Г.Ф. 1872. Энциклопедия права. Ярославль : Тип. Г.Фальк. 99 с.

Савиньи Ф.К. фон. 2011а. О предназначении «Журнала по исторической юриспруденции» // Ф.К. фон Савиньи. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М. : Статут. Т. 1. С. 208-218.

Савиньи Ф.К. фон. 2011б. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Ф.К. фон Савиньи. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М. : Статут. Т. 1. С. 128-207.

Савиньи Ф.К. фон. 2011с. Предисловие к первому изданию «Системы современного римского права» // Ф.К. фон Савиньи. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М. : Статут. Т. 1. С. 255-273.

Савиньи Ф.К. фон. 2011d. Система современного римского права // Ф.К. фон Савиньи. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М. : Статут. Т. 1. С. 274-499.

Спекторский Е.В. 2011. К столетию исторической школы в правоведении // Філософія та енциклопедія права в Університеті Святого Володимира : у 2 кн. / уклад. І.С. Гриценко, В.А. Короткий ; за ред. І.С. Гриценка. Київ : Либідь. Кн. 2. С. 407-430.

Тарановский Ф.В. 1917. Учебник энциклопедии права. Юрьев : Тип. К. Матти-сена. 534 с.

Тибо А.Ф.Ю. 2011. О необходимости общего гражданского права для Германии // Ф.К. фон Савиньи. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М. : Статут. Т. 1. С. 102-127.

Тимковский И.Ф. 1808. О применении знаний к состоянию и цели государства // Речи, говоренные в торжественном годовом собрании Императорского Харьковского университета, бывшем 17 января 1808 года. Харьков : Университет. тип. С. 3-28.

Фальк Н.Н. 2015. Различия в праве и сравнительное правоведение / пер. с нем. В.В. Эмих при участии Е.В. Серебренниковой ; под ред. А.В. Кресина // Сучасні проблеми порівняльного правознавства : зб. наук. праць / за ред. Ю.С. Шемшученка, Я.В. Лазура ; упор. О.В. Кресін, М.В. Савчин. Ужгород ; Київ : Говерла. С. 196-197.

Фейербах П.Й.А. фон. 2012а. Идея та необхідність універсальної юридичної науки. Природне право, філософія права, загальне правознавство // Порівняльно-правові дослідження. № 1-2. С. 10-23.

Фейербах П.Й.А. фон. 2012б. Погляд на німецьке правознавство / пер. О.А. Шаблій за наук. ред. О.В. Кресіна // Порівняльне правознавство. № 1-2. С. 282-292.

Фіхте Й.Г. 2000. Що таке народ у вищому розумінні цього слова і що таке любов до Батьківщини // Націоналізм: Антологія / упор. О. Проценко, В. Лісовий. Київ : Смолоскип. С. 45-50.

Цахарія К.С. 2015. Про призначення «Критичного часопису правової науки та законодавства зарубіжних країн» / пер. з нім. Р.І. Корнути, О.А. Шаблій; за ред. О.А. Шаблій // Сучасні проблеми порівняльного правознавства : зб. наук. праць / за ред. Ю.С. Шемшученка, Я.В. Лазура ; упор. О.В. Кресін, М.В. Савчин. Ужгород ; Київ : Говерла. С. 198-209.

Чичерин Б.Н. 2010. История политических учений. Т. 3. 2-е изд., испр. СПб. : Изд-во РХГА. 784 с.

Berkowitz R. 2005. The gift of science. Leibniz and the modern legal tradition. Cambridge, Mass ; London : Harvard univ. press. XVIII, 214 p.

Berman H.J. 1994. The Origins of Historical Jurisprudence: Coke, Selden, Hale // Jale Law Journal. Vol. 103. P. 1651-1738.

Czacki T. 1800. O litewskich i polskich prawach o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 r. wydanem. T. 1. Warszawa : w Drukarni J.C.G. Ragoczego. VIII, 328 s.

Czacki T. 1809. Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich i polskich? I czy z połnocnemi narodami mielismy wiele wspólnych praw i zwyczaiow? Rosprawa czytana w Krzemieńcu na otwarciu roku szkolnego 1808 w Gimnazjum Wołyńskim. Wilno : u J. Zawadzkiego. 122 s.

Czacki T. 1861. O litewskich i polskich prawach o ich duchu, źródłach, związku, i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy, 1529 roku wydanym. T. 2. Krakow : Czasu. 353 s.

Daniłowicz I. 1905. Kodex Napoleona w porównaniu z prawami polskimi i litewskimi. Warszawa : Księgarnia Jana Fiszera. V, 179 s.

Ewald W. 1995. Comparative Jurisprudence (I): What was it like to try a rat? // University of Pennsylvania law review. Vol. 143. P. 1889-2149.

Falck N. 1887. The scientific study of jurisprudence; its preliminaries, special subjects, means, and appliances. An outline of juristic study // Outlines of the science of jurisprudence. An introduction to the systematic study of law / Trans. and ed. by W. Hastie. Edinburgh : T & T. Clark. P. 161-223.

Feuerbach P.J.A. von. 1800. Versuch einer Criminaljurisprudenz des Koran // Bibliothek für die peinliche Rechtswissenschaft und Gesetzkunde. Bd. 2, st. 1. S. 163-192.

Feuerbach P.J.A. von. 1804. Ueber Philosophie und Empirie in ihrem Verhältnisse zur positiven Rechtswissenschaft. Landshut : bey Joseph Attenkofer, (II). 100 p.

Filangieri G. 1806. The science of legislation. Vol. 1. London ; Bristol : Emeri and Adams. XVIII, 309 p.

Friedländer A. 1887. Definition and History of Juristic Encyclopaedia // Outlines of the science of jurisprudence. An introduction to the systematic study of law / trans. and ed. by W. Hastie. Edinburgh : T & T. Clark. P. 231-278.

Hugo G. 1815. Die Gesetze sind nicht die einzige Quelle der juristischen Wahrheiten // Civilistisches Magazin. B. 4. S. 90-134.

Klenner H. 1989. Savigny's Research Program of the Historical School of Law and its Intellectual Impact in 19th Century Berlin // The American Journal of Comparative Law. Vol. 37, № 1. P. 67-80.

Lerminier E. 1836a. Cours d'histoire des législations comparées, professé au Collège de France. Paris : G. Ange et C°. 387 p.

Lerminier E. 1836b. De l'enseignement des législations comparées // Lerminier E. Études d'histoire et de philosophie. Paris : Charpentier, Libraire-Éditeur. T. 2. P. 3-88.

Lerminier E. 1836c. The German historical school of jurisprudence // American jurist and law magazine. Vol. 14, iss. 27. P. 43-61.

Lerminier E. 1846. L'hébraïsme et le christianisme [Электронный ресурс]. URL: http://fr.wikisource.org/wiki/L'Hébraïsme_et_le_christianisme (дата обращения: 03.03.2019).

Maciejowski W.A. 1832. Historia prawodawstw słowiańskich. T. 1. Warszawa ; Lipsk : W Księgarniach Brzeziny I Hinrichsa. XII, 292 p.

Mittermaier C.J.A. 1809. Theorie des Beweises im peinlichen Prozesse: nach den gemeinen positiven Gesetzen und den Bestimmungen der französischen Criminalgesetzgebung. Th. 1. Mannheim : bei Ferdinand Kaufmann. 336 S.

Mittermaier C.J.A. 1812. Einleitung in das Studium der Geschichte des germanischen Rechts. Landshut : bei Joseph Thomann. VIII, 198 S.

Navet G. 2001. Eugène Lerminier (1803–1857): la science du droit comme synthèse de l'histoire et de la philosophie // *Revue d'Histoire des Sciences Humaines*. Vol. 1, № 4. P. 33-56.

Pütter J.S. 1767. Neuer Versuch einer Juristischen Encyclopädie und Methodologie. 2 Aufl. Göttingen : im Verlag der Wittve Vandenhoeck. XIII, 254 S.

Rahmatian A. 2007. Friedrich Carl von Savigny's Beruf and Volksgeistlehre // *The Journal of Legal History*. Vol. 28, № 1. P. 1-29.

Rakowiecki I.B. 1820a. O stanie cywilnym dawnych slowian. Rzech czytana na publiczném posiedzeniu Towarzystwa Królewskiego Warszawskiego Przyjaciół Nauk dnia 3 Maia 1820 roku. Warszawa. 16 s.

Rakowiecki I.B. 1822. Prawda Ruska; czyli prawda wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza tudzież Traktaty Olga i Igora ww. xx. kiowskich z cesarzami greckimi y Mćisława Dawidowicza x. smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta, obok z polskiém tłumaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczajów, obyczajów, religiy, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodow. T. 2. Warszawa : Drukarnia XX Piiarów. XII, 320 s.

Rakowiecki J.B. 1820b. Prawda ruska; czyli, Prawa wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza, tudzież traktaty Olga y Igora ww. xx. kiowskich z cesarzami greckimi, y Mćisława Dawidowicza x. Smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta, obok z polskiém tłumaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczajów, obyczajów religiy, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-riskich narodow. T. 1. Warszawa : Drukarnia XX Piiarow, (III). XVI, 320 s.

Reimann M. 1990. Nineteenth Century German Legal Science // *Boston College Law Review*. Vol. 31, № 4. P. 837-897.

Richter M. 2006. The comparative study of regimes and societies in the Eighteenth-Century // *The Cambridge history of Eighteenth-century political thought*. Cambridge : Cambridge univ. press. P. 147-171.

Savigny F.C. von, Gönner. N.Th. v. 1815. Über Gesetzgebung und Rechtswissenschaft in unserer Zeit. Erlangen: ben Palm, 1815 // *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*. Bd. 1. S. 373-423.

Toews J.E. 1989. The Immanent Genesis and Transcendent Goal of Law: Savigny, Stahl, and the Ideology of the Christian German State // *The American Journal of Comparative Law*. Vol. 37, № 1. P. 139-169.

Zimmermann R. 1996. Savigny's legacy. Legal history, comparative law, and the emergence of a European legal science // *The Law Quarterly Review*. Vol. 112. P. 576-605.

O. Kresin. Vopros o svoeobraznykh elementakh natsional'nogo prava v trudakh yevropeyskikh uchenykh vtoroy poloviny XVIII – pervoy treti XIX veka [Enforcing of environmental liability system in russian federation and foreign countries: Ways of legislation' improving], *Antinomies*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 80–111. (in Russ.).

Oleksiy V. Kresin, Doctor of Law, Associate Professor, Corresponding Member of the International Academy of Comparative Law. Kiev, Ukraine.
E-mail: okresin@gmail.com

Article received 16.05.2019, accepted 09.06.2019, available online 01.04.2019

PROBLEM OF SPECIFIC ELEMENTS OF NATIONAL LAW IN WORKS OF EUROPEAN SCIENTISTS OF THE SECOND HALF OF THE XVIII – FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

Abstract. The formal separation of the national legal order determined, on the one hand, by the will of the national society, and on the other hand, by international law, did not explain the substantive non-identity of the legal orders – after all, they could be considered as purely utilitarian, functional branches of the law one for all people (irrespective of its origin and character – divine, natural, or rational). The question arose about the substantial individuality (identity) of each national legal order – its peculiar elements, and the features of its general (common in more than one legal order) elements.

The idea of the peculiarity of national law was based primarily on the organic theory of national law, which emphasized the essential role of self-development in the evolution of the people. During the period studied in the article, scientists put forward the thesis of the non-self-sufficiency of the influence of unchanged climatic conditions, as well as needs and economies of peoples that are largely derived from them acting as the framework of the possible development of a people whose culture and identity recognizes these limitations and opposes them. Social life was viewed as free and self-determined, and the law – as its integral element within the framework of the cultural tradition, and manifestation of its awareness and understanding.

The fundamental basis for understanding peculiarities of the law by scholars of that time were: the historicity of the peculiar elements in national law, which is determined by social development in specific conditions, thus entirely or mostly denying their substantiality; the impossibility, at least in relation to their own societies and states, of the existence of an absolutely autochthonous law in the modern world, the lack of self-sufficiency of the peculiar, as well as, in principle, the openness of legal systems to interaction; the dependence of the expansion or contraction of the sphere of peculiar elements in national law of the will of society and other factors, the possibility of alternative options for the development of this sphere; the impossibility of depriving national law of its peculiar elements without ceasing its existence, and their necessity.

Keywords: comparative jurisprudence; comparative law; national legal system; national legal order; peculiarity in law; organic theory of national law.

References

Aslamov N.E. *Filosofiya istorii nemetskoj istoricheskoy shkoly prava : dis. ... kand. filos. nauk* [Philosophy of History of German Historical School of Law: dissertation], Moscow, 2012, 155 p., available at: <http://www.disus.ru/dissertatsii/362037-1-istoriinemeckoy-istoricheskoy-shkoli-prava.php> (accessed 03.03.2019). (in Russ.).

Berkowitz R. *The gift of science. Leibniz and the modern legal tradition*, Cambridge, Mass, London, Harvard univ. press, 2005, XVIII, 214 p.

Berman H.J. The Origins of Historical Jurisprudence: Coke, Selden, Hale, *Jale Law Journal*, 1994, vol. 103, pp. 1651-1738.

Bondaruk T.I. *Teoriya pravoutvorennya Georga Fridrikha Pukhti* [Theory of Law Genesis by Georg Puchta], *Pravova derzhava*, 2009, iss. 20, pp. 51-57. (in Ukrain.).

Burke E. *Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii i zasedaniya nekotoryz obshchestv v Londone...* [Reflections on the Revolution in France], Moscow, Rudomino, 1993, 144 p., available at: <http://www.politnauka.org/library/classic/berk.php> (accessed March 03, 2019). (in Russ.).

Chicherin B.N. *Istoriya politicheskikh ucheniy* [History of Political Doctrines], vol. 3, 2nd ed., corr., St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA, 2010, 784 p. (in Russ.).

Czacki T. *Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich i polskich? I czy z połnocnemi narodami mielismy wiele wspólnych praw i zwyczajów? Rosprawa czytana w Krzemieńcu na otwarciu roku szkolnego 1808 w Gimnazjum Wołyńskim* [If the Roman Law Was the Foundation of Lithuanian and Polish Laws? And If We had Much Common Laws and Customs with Nordic Nations?], Wilno, u J. Zawadzkiego, 1809, 122 p. (in Polish).

Czacki T. *O litewskich i polskich prawach o ich duchu, źródłach, związku, i o rzeczach zawartych w pierwszym statucie dla Litwy, 1529 roku wydanym* [On the Lithuanian and Polish Laws, Their Spirit, Sources, Connection and Matters Worth in the First Statute for Lithuania of 1529], vol. 2, Krakow, Czasu, 1861, 353 p. (in Polish).

Czacki T. *O litewskich i polskich prawach o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 r. wydanem* [On the Lithuanian and Polish Laws, Their Spirit, Sources, Connection and Matters Worth in the First Statute for Lithuania of 1529], vol. 1, Warszawa, w Drukarni J.C.G. Ragoczego, 1800, VIII, 328 p. (in Polish).

Daniłowicz I. *Kodex Napoleona w porównaniu z prawami polskimi i litewskimi* [Codex of Napoleon in Comparison with Polish and Lithuanian Laws], Warszawa, Księgarnia Jana Fiszera, 1905, V, 179 p. (in Polish).

Deryuzhinskiy V.F. *Gugo* [Hugo], *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*, St. Petersburg, 1893, vol. 9, available at: <http://ru.wikisource.org/wiki> (accessed March 03, 2019). (in Russ.).

Ewald W. Comparative Jurisprudence (I): What was it like to try a rat?, *University of Pennsylvania law review*, 1995, vol. 143, pp. 1889-2149.

Falck N. The scientific study of jurisprudence; its preliminaries, special subjects, means, and appliances. An outline of juristic study, *Outlines of the science of jurisprudence. An introduction to the systematic study of law*, Edinburgh, T & T, Clark, 1887, pp. 161-223.

Falk N.N. *Razlichiya v prave i sravnitel'noe pravovedenie* [Differences in Law and Comparative Jurisprudence], Yu.S. Shemshuchenok, Ya.V. Lazur (eds.), O.V. Kresin, M.V. Savchyn (comps.) *Suchasni problemy porivnyal'nogo pravoznavstva : zb. nauk. prats'*, Uzhgorod, Kyiv, Goverla, 2015, pp. 196-197. (in Ukrain.).

Feuerbach P.J.A., von. *Poglyad na nimets'ke pravoznavstvo* [View of German Jurisprudence], *Porivnyal'ne pravoznavstvo*, 2012, no. 1-2, pp. 282-292. (in Ukrain.).

Feuerbach P.J.A., von. *Ueber Philosophie und Empirie in ihrem Verhältnisse zur positiven Rechtswissenschaft* [On the Philosophy and Empirics in Their Mutual Connection with Positive Legal Science], Landshut, bey Joseph Attenkofer, (II), 1804, 100 p. (in German).

Feuerbach P.J.A., von. *Versuch einer Criminaljurisprudenz des Koran* [On the Criminal Jurisprudence of Koran], *Bibliothek für die peinliche Rechtswissenschaft und Gesetzkunde*, vol. 2, pt. 1, 1800, pp. 163-192. (in German).

Feuerbach P.J.A., von. *Ideya ta neobkhdnist' universal'noï juridichnoï nauki. Pryrodne pravo, filosofiya prava, zagal'ne pravoznavstvo* [Idea and Necessity of Universal Legal Science. Natural Law, Philosophy of Law, General Jurisprudence], *Porivnyal'no-pravovi doslidzhennya*, 2012, no. 1-2, pp. 10-23. (in Ukrainian).

Fichte J.G. *Shcho take narod u vishchomu rozuminni ts'ogo slova i shcho take lyubov do Bat'kivshchiny* [What is the People in the Highest Understanding of the Word and What is the Love of Fatherland], *O. Protsenko, V. Lisovy (comps.) Natsionalizm: Antologiya*, Kyiv, Smoloskyp, 2000, pp. 45-50. (in Ukrainian).

Filangieri G. *The science of legislation*. Vol. 1, London, Bristol, Emeri and Adams, 1806, XVIII, 309 p.

Friedländer A. Definition and History of Juristic Encyclopaedia, *Outlines of the science of jurisprudence. An introduction to the systematic study of law*, Edinburgh, T & T, Clark, 1887, pp. 231-278.

Gans E. *Predislovie k rabote «Nasledstvennoe pravo vo vseмирno-istoricheskom razvitii. Sochinenie po universal'noy istorii prava»* [Foreword to the work "Inheritance Law in the World Historical Development. The Treatise on the Universal History of Law"], *O.V. Kresin (ed.) Filosofiya porivnyal'nogo pravoznavstva : zb. nauk. prats'*, Kyiv, Lviv, Liga-pres, 2015, pp. 74-100. (in Russ.).

Gube R.M. *Istoriya drevnego nasledstvennogo prava u slavyan* [History of Ancient Inheritance Law of Slavs], *Sbornik istoricheskikh i statisticheskikh svedeniy o Rossii i narodakh ey edinovernykh i edinoplemennykh*, Moscow, Tip. Avgusta Semena, 1845, vol. 1, pp. 59-95. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3* [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 3. The Phenomenology of Spirit], Moscow, Mysl', 1977, 471 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the Philosophy of History], St. Petersburg, Nauka, 2000, 480 p. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *O nauchnykh sposobakh issledovaniya estestvennogo prava, ego meste v prakticheskoy filosofii i ego otnoshenii k nauke o pozitivnom prave* [On the Scientific Means of Researching Natural Law, its Place in Practical Philosophy and its Relation to the Science on Positive Law], *G.W.F. Hegel, Politicheskie proizvedeniya*, Moscow, Nauka, 1978, pp. 185-275. (in Russ.).

Hegel G.W.F. *Osnovi filosofii prava, abo prirodne pravo i derzhavoznavstvo* [Grounds of Legal Philosophy, or Natural Law and State Science], Kyiv, Yunivers, 2000, 336 p. (in Russ.).

Herder J.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of History of Mankind], Moscow, Nauka, 1977, 703 p. (in Russ.).

Hugo G. *Die Gesetze sind nicht die einzige Quelle der juristischen Wahrheiten* [The Laws are Not the Only Sources of Legal Truth], *Civilistisches Magazin*, 1815, vol. 4, pp. 90-134. (in German).

Hugo G. *Uchebnik po kursu tsivilistiki* [Handbook on the Course of Civil Law], *G.Yu. Semigin (resp. ed.) Antologiya mirovoy pravovoy mysli : v 5 t.*, Moscow, Mysl', 1999, vol. 3, pp. 272-277. (in Russ.).

Karasevich P. *Istoricheskaya shkola v oblasti prava* [Historical school in the Field of Law], *Moskovskie universitetskie izvestiya*, 1870, no. 7, pp. 371-389. (in Russ.).

Kechekian S. *O ponyatii estestvennogo prava u Kanta i Gegelya* [On the Notion of Natural Law by Kant and Hegel], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1915, vol. 26, b. 128 (3), pp. 439-457. (in Russ.).

Kelly J. *Lyuds'kyi vimir buttia: Suspil'na dumka v zakhidniy pravoviy traditsii* [The Human Measure: Social Thought in the Western Legal Tradition], Odesa, Bakhva, 2002, 327 p. (in Ukrain.).

Kenig I. *Savin'i i ego otnoshenie k sovremennoy yurisprudentsii* [Savigny and His Relation to the Contemporary Jurisprudence], *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava*, Chelyabinsk, Sotsium, 2010, pp. 351-378. (in Russ.).

Klenner H. Savigny's Research Program of the Historical School of Law and its Intellectual Impact in 19th Century Berlin, *The American Journal of Comparative Law*, 1989, vol. 37, no. 1, pp. 67-80.

Korkunov N.M. *Istoriya filosofii prava : posobie k lektsiyam* [History of Legal Philosophy: Manual for Lectures], 6th ed., St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 1915, 502 p. (in Russ.).

Korkunov N.M. *Lektsii po obshchey teorii prava* [Lectures on General Theory of Law], 9th ed., St. Petersburg, Izdatel'stvo yuridicheskogo knizhnogo magazina N.K. Martynova, 1914, 370 p. (in Russ.).

Kuyan I.A. *Suverenitet. Problemi teorii i praktiki: konstitutsiyno-pravoviy aspekt: monogr* [Sovereignty. Problems of Theory and Practice: Constitutional Law Aspect], Kyiv, Akademiya, 2013, 560 p. (in Ukrain.).

Kuznetsov K.A. *K kharakteristike istoricheskoy shkoly yuristov* [Towards the haracteristic of Historical School of Lawyers], Odessa, tipografiya «Tekhnik», 1914, 20 p. (in Russ.).

Lerminier E. *Cours d'histoire des législations comparées, professé au Collège de France* [Course of History of Comparative Legislations, Taught at College de France], Paris, G. Ange et C°, 1836, 387 p. (in French).

Lerminier E. *Del'enseignement des législations comparées* [The Teaching of Comparative Legislations], *Lerminier E. Études d'histoire et de philosophie*, Paris, Charpentier, Libraire-Éditeur, 1836, vol. 2, pp. 3-88. (in French).

Lerminier E. *L'hébraïsme et le christianisme* [Judaism and Christianity], 1846, availavle at: http://fr.wikisource.org/wiki/L'Hébraïsme_et_le_christianisme (accessed Match 03, 2019). (in French).

Lerminier E. The German historical school of jurisprudence, *American jurist and law magazine*, 1836, vol. 14, iss. 27, pp. 43-61.

Lerminier J.L.E. *O metode istorii sravnitel'nykh zakonodatel'stv* [On the Method of Comparative Legislations], *Porivnyal'no-pravovi doslidzhennya*, 2012, no. 1-2, pp. 24-29.

Lysenko O.L. *Gustav Gugo* [Gustav Hugo] G.Yu. *Semigin (resp. ed.) Antologiya mirovoy pravovoy mysli : v 5 t.*, Moscow, Mysl', 1999, vol. 3, pp. 271-277. (in Russ.).

Maciejowski W.A. *Historiya prawodawstw slowiańskich* [History of Slavonic Legislations], vol. 1, Warszawa, Lipsk, W Księgarniach Brzeziny I Hinrichsa, 1832, XII, 292 p. (in Polish).

Medyakov A.S. *Natsional'naya ideya i natsional'noe soznanie nemtsev* [National Idea and Consciousness of Germans], *V.S. Bondarchuk (resp. ed.) Natsional'naya ideya v Zapadnoy Evrope v Novoe vremya : Ocherki istorii*, Moscow, Zertsalo-M, Veche, 2005, pp. 394-458. (in Russ.).

Mere J. *Printsip suverenitetu. Istoriya ta osnovi novitr'oi vladi* [Principle of Sovereignty. History and Bases of Modern Power], Lviv, Kal'variya, 2003. 216 p. (in Ukrain.).

Mikhaylov A.M. *Sravnitel'noe issledovanie filofsko-metodologicheskikh osnovaniy estestvenno-pravovoy i istoricheskoy shkol pravovedeniya* [Historical Investigation of

Philosophical and Methodological Foundations of Jusnaturalist and Historical Schools of Law], Moscow, Yurditinform, 2013, 632 p. (in Russ.).

Mittermaier C.J.A. *Einleitung in das Studium der Geschichte des germanischen Rechts* [Introduction in the Study of Germanic Laws], Landshut, bei Joseph Thomann, 1812, VIII, 198 p. (in German).

Mittermaier C.J.A. *Theorie des Beweises im peinlichen Prozesse: nach den gemeinen positiven Gesetzen und den Bestimmungen der französischen Criminalgesetzgebung* [Theory of Evidence in Difficult Trials: As in General Positive Laws and in Norms of French Criminal Legislation], pt. 1, Mannheim, bei Ferdinand Kaufmann, 1809, 336 p. (in German).

Navet G. *Eugène Lerminier (1803–1857): la science du droit comme synthèse de l'histoire et de la philosophie* [Eugène Lerminier (1803–1857): The Science of Law as the Synthesis of History and Philosophy], *Revue d'Histoire des Sciences Humaines*, 2001, vol. 1, no. 4, pp. 33-56. (in French).

Nersesyants V.S. *Filosofiya prava Gegelya* [Legal Philosophy of Hegel], Moscow, Yurist», 1998, 352 p. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Istoricheskaya shkola yuristov. Ee proiskhozhdenie i sud'ba* [Historical School of Lawyers. Its Origin and Fate], *Nemetskaya istoricheskaya shkola prava*, Chelyabinsk, Sotsium, 2010, pp. 1-226. (in Russ.).

Novgorodtsev P.I. *Kant i Hegel' v ikh ucheniyakh o prave i gosudarstve* [Kant and Hegel in Their Doctrines on Law and State], Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1901, 248 p. (in Russ.).

Pilyankevich N.I. *Istoriya filosofii prava* [History of Legal Philosophy], I.S. Gritsenko (comp.) *Filosofiya ta entsiklopediya prava v Universiteti Svyatogo Volodimira: u 2 kn.*, Kyiv, Libid', 2011, b. 1, pp. 108-306. (in Ukrain.).

Pimenova L.A. *Ideya natsii vo Frantsii Starogo poryadka* [Idea of Nation in the France of odre ancien], V.S. Bondarchuk (resp. ed.) *Natsional'naya ideya v Zapadnoy Evrope v Novoe vremya : Ocherki istorii*, Moscow, Zertsalo-M, Veche, 2005, pp. 125-157. (in Russ.).

Puchta G.F. *Encyklopediya prava* [Encyclopedia of Law]. Yaroslavl, Tipografiya G.Fal'k, 1872, 99 p. (in Russ.).

Pütter J.S. *Neuer Versuch einer Juristischen Encyclopädie und Methodologie* [New Attempt of Legal Encyclopedia and Methodology], 2nd, Göttingen, im Verlag der Wittve Vandenhoeck, 1767, XIII, 254 p. (in German).

Rahmatian A. Friedrich Carl von Savigny's Beruf and Volksgeistlehre, *The Journal of Legal History*, 2007, vol. 28, no. 1, pp. 1-29.

Rakowiecki I.B. *O stanie cywilnym dawnych slowian. Rzech czytana na publiczném posiedzeniu Towarzystwa Królewskiego Warszawskiego Przyaciół Nauk dnia 3 Maia 1820 roku* [On the Civil State of Old Slavonic Peoples], Warszawa, 1820, 16 p. (in Polish).

Rakowiecki I.B. *Prawda Ruska; czyli prawda wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza tudzież Traktaty Olga i Igora ww. xx. kiowskiich z cesarzami greckimi y Mścisława Dawidowicza x. smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta, obok z polskiém tłumaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczajów, obyczajów, religiy, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodow* [Pravda Ruska or the Laws of Great Prince Yaroslav Vladimirovych], vol. 2, Warszawa, Drukarnia XX Piarów, 1822, XII, 320 p. (in Polish).

Rakowiecki J.B. *Prawda ruska; czyli, Prawa wielkiego xięcia Jarosława Władymirowicza, tudzież traktaty Olga y Igora ww. xx. kiowskiich z cesarzami greckimi, y Mścisława Dawidowicza x. Smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta, obok z polskiém tłumaczeniem poprzedza Rys historyczny zwyczajów, obyczajów religiy, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodow* [Pravda Ruska or the Laws of Great Prince Yaroslav Vladimirovych], vol. 1, Warszawa, Drukarnia XX Piarów, (III), 1820, XVI, 320 p. (in Polish).

Reimann M. Nineteenth Century German Legal Science, *Boston College Law Review*. 1990. Vol. 31, № 4. P. 837-897.

Richter M. The comparative study of regimes and societies in the Eighteenth-Century, *The Cambridge history of Eighteenth-century political thought*, Cambridge, Cambridge univ. press, 2006, pp. 147-171.

Savigni F.C., von. *O prednaznachenii «Zhurnala po istoricheskoy yurisprudentsii»* [On the Function of the Journal on Historical Jurisprudence], *F.K. fon Savin'i. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 208-218. (in Russ.).

Savigni F.C., von. *O prizvanii nashego vremeni k zakonodatel'stvu i yurisprudentsii* [On the Calling of Our Time to Legislation and Jurisprudence], *F.K. fon Savin'i. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 128-207. (in Russ.).

Savigni F.C., von. *Predislovie k pervomu izdaniyu «Sistemy sovremennogo rimskogo prava»* [Foreword to the first edition of the "System of Modern Roman Law"], *F.K. fon Savin'i. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 255-273. (in Russ.).

Savigni F.C., von. *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [System of Modern Roman Law], *F.K. fon Savin'i. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 274-499. (in Russ.).

Savigny F.C., von. Gönner, N.Th. v. *Über Gesetzgebung und Rechtswissenschaft in unserer Zeit. Erlangen: ben Palm*, 1815 [Review of book of N.Th. Gönner On the Legislation and Legal Science of Our Times], *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft*, 1815, vol. 1, pp. 373-423. (in German).

Spektorskiy E.V. *K stoletiyu istoricheskoy shkoly v pravovedenii* [On the Hundred Years Jubilee of Historical School in Legal Science], *I.S. Gritsenko (comp.) Filosofiya ta entsiklopediya prava v Universiteti Svyatogo Volodimira : u 2 kn.*, Kyiv, Libid', 2011, b. 2, pp. 407-430. (in Ukrain.).

Taranovskiy F.V. *Uchebnik entsiklopedii prava* [Handbook on the Legal Encyclopedia]. Yuriev, Tipografiya K. Mattisena, 1917, 534 p. (in Russ.).

Thibaut A.F.J. *O neobkhodimosti obshchego grazhdanskogo prava dlya Germanii* [On the Need of General Civil Law for Germany], *F.K. fon Savin'i. Sistema sovremennogo rimskogo prava*, Moscow, Statut, 2011, vol. 1, pp. 102-127. (in Russ.).

Timkovskiy I.F. *O primenenii znaniy k sostoyaniyu i tseli gosudarstva* [On the Using of Knowledge for the Conditions and Aim of a State], *Rechi, govorennye v torzhestvennom godovom sobranii Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta, byvshem 17 yanvaryu 1808 goda*, Kharkov, Universitetskaya tipografiya, 1808, pp. 3-28. (in Russ.).

Toews J.E. The Immanent Genesis and Transcendent Goal of Law: Savigny, Stahl, and the Ideology of the Christian German State, *The American Journal of Comparative Law*, 1989, vol. 37, no. 1, pp. 139-169.

Zachariae K.S. *Pro pryznachennya «Krytychnogo chasopysu pravovoi nauky ta zakonodavstva zarubizhnykh krain»* [On the Aim of the Critical Journal of Legal Science and Legislation of Foreign Countries], *Yu.S. Shemshuchenok, Ya.V. Lazur (eds.), O.V. Kresin, M.V. Savchyn (comps.) Suchasni problemy porivnyal'nogo pravoznavstva : zb. nauk. prats'*, Uzhgorod, Kyiv, Goverla, 2015, pp. 198-209. (in Ukrain.).

Zhol K.K. *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Legal Philosophy and Legal Sociology], Kyiv, Yurinkom Inter, 2000, 480 p. (in Ukrain.).

Zimmermann R. Savigny's legacy. Legal history, comparative law, and the emergence of a European legal science, *The Law Quarterly Review*, 1996, vol. 112, pp. 576-605.